

Кадр из фильма «Год теленка». 1986

АКТЕР ВАЛЕНТИН ГАФТ: Известия-2005-2 сент - стр. 21

«Театр очень похож на футбол»

ИЗВЕСТИЯ: Почему, когда вам что-то в своей работе не нравится, вы об этом говорите открыто и смело, а когда нравится — молчите, предпочитаете не оценивать? Причина же не только в скромности.

ГАФТ: Если что-то нравится — не надо об этом говорить. А если не нравится — надо выкидывать это и говорить раньше, чем кто-то со стороны тебе это скажет (*смеется*).

ИЗВЕСТИЯ: Когда вы бываете собой довольны?

ГАФТ: Очень редко.

ИЗВЕСТИЯ: При столь мощно развитой самокритике как вы относитесь к критике со стороны? К театральной критике, например?

ГАФТ: «Как столб относится к собакам, так отношусь я к критикам-писателям». Это я написал довольно давно. Критику я последнее время почти не читаю. А в театре, конечно, вывешивают статьи критиков. Но я в театр очки не беру — пойдешь к стенду и ничего не видишь (*смеется*).

ИЗВЕСТИЯ: Вы одноклассники с Олегом Табаковым, ваша дружба длится с 1953 года, уже больше пятидесяти лет. Когда вы с Табаковым встречаетесь, вспоминаете студенческие годы, вашего учителя Топоркова?

ГАФТ: А нам не нужно ничего вспоминать. Есть улыбка, рукопожатие. И попытка серьезного разговора. Вот пройдут эти юбилеи — ему тоже недавно исполнилось семьдесят, — и мы поговорим. Мы хотели с Табаковым играть «В ожидании Годо» Беккета, я был бы Владимир, он — Эстрагон. Но это кануло. А жаль. Может, возродить эту идею?

Я не могу сказать, что мы с Табаковым встречаемся часто, но я его очень люблю, я всю жизнь восхищен этим человеком. И мне кажется, это чувство взаимно.

«В школьных спектаклях я всегда играл девочек»

ИЗВЕСТИЯ: Ваши родители никакого отношения к театру не имели. Но были горды, что их сын — артист?

ГАФТ: Я был, что называется, из простой семьи. Мой отец работал юристом, прошел всю войну, был ранен, болен, работал в юридической консультации, зарабатывал очень мало. Тетка, которая работала в магазине на Кузнецком, давала мне деньги на сольнку, которую готовили в столовой школы-студии МХАТ. И одевался я в перешитые отцовские штаны, пальто.

А когда я поступил в школу-студию МХАТ, мама меня спрашивала: «Чем вы там занимаетесь?». «Сегодня были в ладоши по очереди». — «Только ты никому об этом не говори» (*смеется*). Только потом, года через два-три, кто-то ей объяснил, что такое студия при МХАТе и что если сын там учится, то значит, у него талант. Она не ходила в театр. Она меня видела один раз в Театре Сатиры, в «Женитьбе Фигаро», когда я играл с Андрюшей Мироновым графа Альмавиву. Она посмотрела спектакль и сказала: «Валя, какой же ты худой».

ИЗВЕСТИЯ: А отец не видел вас на сцене?

ГАФТ: Видел, переживал... Для него был образец молодого актера — Миша Козаков. Как он одевается, какая у него бабочка, пиджак, как он говорит — вот это артист. А я...

ИЗВЕСТИЯ: Но в школу-то они ходили, когда вы играли в детских спектаклях?

ГАФТ: Мама ходила. Драмкружок был в женской школе, и мы туда ходили заниматься.

ИЗВЕСТИЯ: Помните, как вы играли невесту в школьном спектакле «Предложение»?

ГАФТ: Да, в школьных спектаклях я всегда играл девочек.

ИЗВЕСТИЯ: В своей книге вы пишете, что это было едва ли не одно из лучших ваших актерских созданий.

ГАФТ: Если не лучше! (*Смеется*).

ИЗВЕСТИЯ: В вашей книге есть рассказ о домработнице Гале, которая помогла вашей семье. Она вас невольно спасла, купив фальшивый билет на поезд. Благодаря этому вы не оказались 22 июня под бомбами. Вы о ней говорите с большой любовью, а потом образ этой Гали пропадает из книги.

ГАФТ: Я перед ней очень виноват. Она была всю войну с нами, а потом, когда кончилась война, она уехала к себе на Украину, работала в колхозе. А колхозы тогда, сами знаете, какие были: очень бедные, трудными стоили копейки. Когда я был школьником, ездил к ней на каникулы на хутор. Я ее очень любил — она из последнего старалась. Никогда не забуду борщ украинский вкусный, с чесночком. И праздники, несмотря на то, что приходили и описывали каждую свинью и каждое дерево, хотя их всего-то было одно-два.

Когда я уже стал самостоятельным человеком, ей помочь. Но она вскоре заболела и умерла. А я все думал, успею ей помочь. Все откладывал...

ИЗВЕСТИЯ: Но вы, наверное, и сами тогда немного зарабатывали.

ГАФТ: Зарабатывал я мало. Но я мечтал приехать к ней на машине, и чтобы меня все увидели на этом хуторе (*смеется*). Не довелось. Вообще, я часто вспоминаю то время — и как мы играли на поле в футбол, и как я забивал голы, играя за местный хутор. Мне тогда казалось, что я мог бы стать и футболистом.

ИЗВЕСТИЯ: А «Сокольники» сороковых — начала пятидесятых годов вспоминаются?

ГАФТ: Ну конечно, вспоминаются. Сокольники, танцплощадка, коток, Ширяево поле, «Спартак», Николай Озеров, с которым я впоследствии познакомился. Тогда я был школьником и ходил смотреть, как он

играет в футбол и теннис на Ширяевом поле. Помню, жара, на Озерове несколько свитеров — он старался таким образом похухнуть, — и он играет, играет...

«Я подумал, что Берия похож на шпиона»

ИЗВЕСТИЯ: Как менялось ваше отношение к Сталину? Когда вы поняли, что это на самом деле была за фигура?

ГАФТ: Когда умер Сталин, к нам пришел близкий знакомый нашей семьи, взял стоявшего у отца на столе глиняного Сталина и выкинул в окно. Мать чуть с ума не сошла: «Что ты делаешь!». И он стал говорить, что такой Сталин, и я первый раз услышал плохие слова о великом Сталине. Хотя уже тогда среди нас, мальчишек нашего двора, порой проскальзывали разговоры о том, что как странно получается — в доме нет ни одной семьи, у которой бы кого-то не посадили. Когда кругом почти все — дети врагов народа, когда подвора расстреляно, конечно, ты начинаешь догадываться, что что-то не так.

А с другой стороны, все кричат: «За родину, за Сталина!». И все идут в бой за Сталина, и строят для Сталина, и он самый великий и самый значительный... Но понимание того, что это была за фигура, приходило ко мне постепенно. Как и ко всем, наверное.

А когда я сдавал какие-то экзамены, главное было привести цитату из Сталина, и тогда учителя были к тебе снисходительны. А на уроке географии нужно было при любом вопросе учителя показать район Грузии и отчеканить: «Здесь родился Сталин!». «Садись, пять», — отвечал учитель (*смеется*). Большинство его любило, не представляло себе жизни без него.

Я был на похоронах вождя, но в Дом союзов так и не попал. Была страшная давка. Мы с Володией Кругловым, моим приятелем, провели ночь в подъезде, но так до Дома союзов и не дошли. Одного мальчика из нашего класса задавили.

Через день, когда Сталина похоронили, на Красной площади я видел Берия, и это произвело очень сильное впечатление — речь Берии и сам он. Лицо Берии было почти закрыто, сверху была шляпа, надвинутая по самые брови, воротник поднят так, что видел только только горящий рот и пенсне. Тогда я подумал, что он похож на шпиона (*смеется*). Я недавно играл в фильме «Мастер и Маргарита», который пойдет, вероятно, в ноябре, чиновника бериевского типа, и мне то впечатление очень помогло...

ИЗВЕСТИЯ: В своей книге вы пишете, что ваш двор был бандитский. Почему, как вы думаете, многие с некоторой гордостью говорят, что у них был бандитский двор?

ГАФТ: Это были бандиты, совсем не похожие на современных...

ИЗВЕСТИЯ: Тогда и бандиты были лучше?

ГАФТ: Они просто были свободнее, чем другие, смелее, физически сильнее. Они как псы защищали свою территорию.

ИЗВЕСТИЯ: Понимаю, что сравнивать времена невозможно, но все же когда вы чувствовали себя более защищенным? Или, грубо говоря, более комфортно? И были ли вообще такое чувство?

ГАФТ: Все это связано с твоим возрастом, а не со временем, в котором ты живешь. Мы, как и все, жили в общей квартире, в маленькой комнате. В восемнадцатиметровой комнате мы жили четвером — мать, отец, сестра и я. Я не знал, что это такое — иметь отдельную квартиру. А когда узнал, что у моего приятеля отдельная квартира, я не поверил. И подумал, что кто-то просто на время выехал. А потом, когда я женился, условия совсем ухудшились — соседей было, кажется, человек сорок и столько же кошек и собак.

А сейчас, в начале XXI века, многие живут точно так же. Отъезжаешь сто пятьдесят километров от Москвы, видишь, как живут люди, и все тебе становится ясно. И попробуй еще доехать по этим дорогам. И думаешь — неужели за целый век нельзя здесь было сделать дороги? Или чтобы у людей в домах горел свет и была чистая вода? Ничего не сделано! А сколько людей у нас живут так? Живут и, кстати, улыбаются еще.

«Челси» пока не подводит губернатора Чукотки»

ИЗВЕСТИЯ: У вас есть эпиграмма об актерах, которая заканчивается так: «Чужую жизнь играю как свою, а стало быть, свою играю как чужую». У вас в последнее время были моменты, когда вы понимали, что проживаете не вполне свою жизнь?

ГАФТ: Вообще, лучше не думать о том, что когда-то написал (*смеется*). Профессия такая: в жизни что-то накапливается, а потом это проявляется или не проявляется на сцене. И это, конечно, опасно: можно превратить себя не в человека, а в артиста — и в жизни, и на сцене, где все идет на продажу.

ИЗВЕСТИЯ: Вы не любите пафосных слов, но ведь нельзя никуда уйти от вопросов о цели: зачем я сегодня выхожу на сцену?

ГАФТ: Чтобы первое слово сказать, затем и выхожу.

ИЗВЕСТИЯ: А потом — второе?

ГАФТ: Если повезет — второе. А дальше — как пойдет. Это игра. Можно проиграть, как недавно «Локомотив». Выходили хорошо, а самого главного не сказали.

ИЗВЕСТИЯ: Какой самый запоминающийся матч в вашей жизни?

ГАФТ: Много! Я же с десяти лет ходил на футбол. Много было интересных послевоенных матчей. Наши уезжали в Англию, и я удивляюсь, что мы, мальчишки, уже знали все названия клубов — «Челси», других, знали имена игроков. И спорили, как могут сыграть наши с англичанами... Хотя не смотрели телевизоры, которых не было, а слушали карточное радио... Но я сейчас, к сожалению, на стадионе бываю редко, хотя очень люблю это романтическое и притягивающее к себе пространство. Раньше даже любил один посидеть на стадионе в тишине.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к тому, что «Челси», о котором вы спорили со своими друзьями, приобрел губернатор Чукотки?

ГАФТ: Надо сказать, что «Челси» пока не подводит этого человека (*смеется*). Десять-пятнадцать лет назад это нельзя было даже нафантазировать.

ИЗВЕСТИЯ: По законам жанра я должен спросить: а как живут два творческих человека вместе — Валентин Гафт и Ольга Остроумова?

ГАФТ: Очень хорошо живут. Никаких домашних споров и взаимных восхищений.

ИЗВЕСТИЯ: Но вы же обсуждаете работы друг друга, проблемы в работе над ролью?

ГАФТ: Да. Она делает очень много точных подсказок, помогает собраться в роли.

ИЗВЕСТИЯ: Какой след оставила работа с Анатолием Эфросом?

ГАФТ: Она повлияла на всю жизнь. Просто повезло мне, что я познал такое. Он снимал с актера штампы. Я работал с ним несколько лет в «Ленкоме», а потом перешел на Бронную и там сыграл несколько ролей и даже несколько раз Отелло. Но потом мы не сошлись с главной героиней этого театра, с Ольгой Яковлевой. Но она, конечно, целая эпоха в театре Эфроса.

ИЗВЕСТИЯ: Что вас сейчас увлекает кроме театра?

ГАФТ: Я не работал очень давно, поэтому как раз сейчас увлекает именно театр. Ведь ты сам не знаешь, что с тобой происходит, когда ты бездействуешь, от чего ты очищаешься, что приобретаешь. Но это происходит. Мне надо проверить.

«Я поднял эту женщину и вынес из театра»

ИЗВЕСТИЯ: Ваши коллеги говорят, что вы стали менее саркастичным и язвительным.

ГАФТ: Возможно. Но я и не был никогда таким. Я эпиграммы писал для удовольствия, для радости. А сейчас исчезло. Не хочется обижать людей. Кончилась та естественность и легкость. Я стал лучше относиться к людям, я по-другому на них смотрю.

ИЗВЕСТИЯ: Вследствие чего?

ГАФТ: Само произошло. Никто меня не наказывал. Просто время-пришло.

ИЗВЕСТИЯ: Подобреть? Или как это назвать?

ГАФТ: Наверное, подобрать... Хотя я никогда не был злым. Но эпиграммы больше не пишу. Не хочется.

ИЗВЕСТИЯ: Какое человеческое качество у вас неизменно вызывает смех?

ГАФТ: Глупость. Иногда жалко становится человека. Например, одному чтецу я как-то

написал: «Ошибка у него в одном: он голос путает с умом».

ИЗВЕСТИЯ: Вы очень серьезно занимались спортом. Вам не приходилось применять силу в последнее время?

ГАФТ: Пришла какая-то женщина к Лие Ахеджаковой на служебный вход и говорит: «Верните мне деньги за билеты. Ерунда, которую я посмотрела, денег не стоит». А женщина здоровая такая. Ну я ее поднял и вынес из театра, хотя Лия деньги ей вернула.

ИЗВЕСТИЯ: Никогда не думали профессионально заняться спортом?

ГАФТ: Нет. Но футбол люблю смотреть. Все никак мы не можем научиться выигрывать в решающий момент. Талантливых людей много, но выигрывать пока не получается. Я думаю, история страны, история жизни людей очень повлияла и на спорт. Покоя нет. А поэтому не хватает энергии мысли. Легкости, безответственности. Все ира идет кусочками равными. Свободы в игре не хватает, как и в нашей жизни.

Но люди в спорте очень изменились, они стали совсем другие. Например, я недавно слышал интервью с вратарем «Локомотива» Сергеем Овчинниковым, и это было гораздо интереснее, чем интервью с человеком, который занимается самой интересной творческой работой. Откровенно и умно.

Футбол — игра трудная, очень похожа на театр. Только драматургия не написана. И вместо тренера у нас главный режиссер. Но вся подготовка, внутренние проживания, ошибки, комплексы, усталость, повторы — все очень похоже на нашу профессию, поэтому я футболистов понимаю очень хорошо.

Но сейчас на сцене возможно же, можно раздеться, можно совокупиться. Считается, что это новые выразительные средства. Но разве для этого люди ходят в театр? Ведь все это, вместе взятое, может быть выражено гораздо глубже, совершенно иными средствами. Теперь трудно понять, где театр, а где шоу.

«Я и не знал, что меня называют секс-символом. Пребывал в счастливом неведении»

ИЗВЕСТИЯ: Кстати, одно время вас называли секс-символом.

ГАФТ: Я не знал про это. Пребывал в счастливом неведении. Сейчас очень хорошего артиста Александра Балдуева называют секс-символом. Я думаю, что он заслуживает большего, он гораздо шире, чем секс-символ... Такое неприятное название, кажется, что-то из аптечных товаров.

ИЗВЕСТИЯ: Например: мне, пожалуйста, парочку секс-символов. Большой и маленький.

ГАФТ: Вот-вот (*смеется*). Это название, по моему, унизительно.

ИЗВЕСТИЯ: Если бы у вас была возможность пережить какое-то событие своей жизни еще один раз, что бы вы испытали снова?

ГАФТ: Я испытал несколько очень тяжелых ударов. И не хотел бы, чтобы это повторялось.

ИЗВЕСТИЯ: А хорошие?

ГАФТ: Нет, их не надо повторять. Пусть будет хорошее новое. Но такое вряд ли уже будет... Хотя кто его знает?

ИЗВЕСТИЯ: Вы скажете что-нибудь, а потом смотрите в сторону. Кажется, вы все время думаете о чем-то другом.

ГАФТ: Думаю о следующем интервью с вами. Думаю о том, чего еще не сказал. И о том, о чем вы не спросили.

РАДИО ЭХО МОСКВЫ **91,2 FM**
Радио "Эхо Москвы" - 15 лет гоним волну...

Большая юбилейная ИГРА
"100 ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСУТ ЭФИР!"
15 недель игры - 15 лет истории

С 05 по 11 сентября Вспоминаем 1992 год

ОФИЦИАЛЬНЫЙ СПОНСОР ИГРЫ **Rolsen** СПОНСОРЫ 15-ЛЕТИЯ **ГАЗПРОМ** **ОТКРЫТИЕ** **MAXWELL CAPITAL**

Телефон прямого эфира: **203-19-22**
 Пейджер: **961-33-33** для абонента "Эхо Москвы"
 Телефон для SMS-сообщений: **3033**
 стоимость отправки \$0,15 без НДС

www.echo.msk.ru

Условия игры - в эфире и на сайте радиостанции